

Научная статья
УДК 81-16
doi: 10.17223/19986645/76/3

Эвфемизмы и дисфемизмы в конструировании опыта

Андрей Сергеевич Дружинин¹, Татьяна Анатольевна Фомина²

^{1,2} *Московский государственный университет международных отношений*

МИД России, Москва, Россия

¹ *Andrey.druzhinin.89@mail.ru*

² *wesna85@bk.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию семантических единиц (не)вежливого общения, определяемых как эвфемизмы и дисфемизмы. Выдвигается гипотеза о том, что эвфемизмы и дисфемизмы являются способом языкового конструирования коммуникантами своего опыта в нестабильной динамике взаимодействий, определяющих постоянно меняющееся отношение к объекту внимания, которое невозможно определить заранее в виде словарной дефиниции.

Ключевые слова: икс-фемизмы, табу, экспериенциальная область, коммуникативное взаимодействие, контекстуальная амбивалентность

Для цитирования: Дружинин А.С., Фомина Т.А. Эвфемизмы и дисфемизмы в конструировании опыта // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 76. С. 47–75. doi: 10.17223/19986645/76/3

Original article
doi: 10.17223/19986645/76/3

Euphemisms and dysphemisms in experience construction

Andrey S. Druzhinin¹, Tatiana A. Fomina²

^{1,2} *MGIMO University, Moscow, Russian Federation*

¹ *Andrey.druzhinin.89@mail.ru*

² *wesna85@bk.ru*

Abstract. The article deals with one of the most topical issues of modern linguistics consisting in identifying semantic units of (im)polite or (un)cultured behavior in terms of euphemism and dysphemism (X-phemism). The authors aim to approach the language analysis of X-phemism from the psychological and empirical point of view focusing on the experiential dynamics of communication rather than logical statics of text. A critique of the way euphemisms and dysphemisms are defined and theorized about in language studies reveals a number of paradoxes incompatible with a truly scientific and conceptually coherent knowledge of the world and its phenomena. It is hypothesized that euphemism and dysphemism are ways of language construction of experience in the unstable dynamics of communicative

interactions. These context-dependent interactions effect changes in the stance-taking process and affect the communicator's construal of words as positive or negative, which is always experientially relative. It follows that one person's euphemism may be another person's dysphemism. The hypothesis is proved and explained on the basis of theoretical and methodological tenets of constructivism, relativism and enactivism. Empirical data of research are made up of the filmed and tape-scripted communicative interactions borrowed from the American TV-series *Desperate Housewives* where the preceding and proceeding lived experience of communicators becomes available for observation and interpretation. The methodological procedure of the investigation is based on the textological analysis of the scripts representing the actors' interactions 'on paper' and empirical observation of the actors' respective communicative behaviors as shown in the motion picture on the screen. A conclusion is made that X-phemism is a dynamic semantic unit characterized by affective valence and blurred lines between its positive and negative value. Linguists' classifications of lexical units into those with positive or negative connotations must take into account the situational and experiential variables, i.e. dynamic contextual factors of meaning construction and the lived experience of those who engage in this participatory sense-making. Negative and positive meanings of words are not objective and ontological characteristics that can be deduced from words themselves and predicted before the communicative interaction. Instead, it is when, where and who utters these words that makes them sound good or bad. For example, insulting words may facilitate male bonding and appear evaluatively positive in the men's construction of experience of each other during an interaction.

Keywords: X-phemisms, taboo, experiential domain, communicative interaction, contextual ambivalence

For citation: Druzhinin, A.S. & Fomina, T.A. (2022) Euphemisms and dysphemisms in experience construction. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 75. pp. 47–75. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/76/3

1. Эвфемизмы и дисфемизмы: история вопроса

Термин «euphemism» имеет корни греческого и протоиндоевропейского происхождения. Префикс *eu-* означает 'хорошо, благозвучно', а корень *pheme* – 'речь, высказывание, звучание' (восходит к *phanai* от корня **bha-* 'говорить, сказать') [1]. Любопытно, что корень **bha-* можно проследить в таких словах современного английского языка, как *ban*, *banish*, *banal*, *bandit*, связанных со смыслами запрета, провозглашения или проклятия (напр., *ban* исторически означал 'проклинать') [2]. Именно поэтому значение морфемы *pheme* в большей степени ассоциируется не просто с актом говорения как таковым, а с религиозным, церковным контекстом (ср. *blaspheme* 'богохульствовать').

В греческом языке термин *euphemismos* был засвидетельствован в середине XVII в. в значении «употребление более благозвучного слова взамен зловещего наименования». Эвфемизация определяется как ритуальная практика религиозных церемоний, лежащая в основе суеверия избегать плохие приметы, которые несут с собой слова и их значения.

Несмотря на то, что термин вошел в обиход только в XVII в., сама практика эвфемизации была знакома еще жителям Древней Греции. Византийский богослов и патриарх Константинопольский Фотий I в своем сочинении «Библиотека» цитирует историка Гелладиуса, писавшего в IV в., что «все древние люди, по большей части афиняне, были достаточно осторожны, чтобы не использовать слова, несущие зловещие знаки, поэтому называли тюрьму 'комнатой' (*chamber*), палача – 'слугой народа' (*public man*), а фурий и эриний (богини ненависти и мести) – эвминидами (Милостивыми)» [3. Р. 365].

Такое понимание языковой семантики, названное Р. Харрисом «квазимистическим» и номенклатурным [4. Р. 8], основывается на признании языка божественным даром, данностью, которыми человек распоряжается под присмотром бога. Происхождение языка описывается в Книге Бытия следующим образом (2: 19): «Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел (их) к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым». Тем самым библейская интерпретация языка, согласно которой изначально в Эдеме вещи были названы правильными именами (по воле Божьей), отражающими их истинную сущность, оказала сильное влияние на развитие многих лингвистических процессов, к числу которых относится эвфемизация. Использование имен, «не разрешенных» Богом, считалось недопустимым; необходимо было использовать только те имена, которые «разрешены» Богом, что бы под этими именами ни подразумевалось.

Религиозный подтекст замены «плохих» и «дурных» наименований более наглядно прослеживается в практике табуирования. Термин «табу» был заимствован из языка народов Полинезии и означал «священно запретный» или «категорический запрет на религиозной основе» [5. С. 190]. Табуированная лексика, в некоторых исследованиях рассматриваемая на одном уровне с бранной лексикой (*swear-taboo*, или *S-T words*), охватывает «слова и понятия, которые нельзя озвучивать». Табуированность тесно связана с ритуализацией языка и восходит к религиозно-обрядовым запретам на совершение какого-либо действия под угрозой сверхъестественного наказания: считалось, что произнесенные слова либо отождествляются с запретными действиями, либо влекут их за собой. Именно поэтому большинство языковых табу представляют собой грубые или потенциально грубые, социально-порицаемые инвективы, а также языковые формы, значение которых связано с экскреторной функцией и с идеей продолжения рода [6. С. 25]. Ж. Варбот подытоживает, что в наши дни табу употребляется в двух значениях: 1) религиозный запрет у первобытных народов, налагаемый на определенные действия во избежание вредных проявлений сверхъестественных сил; 2) запрет на употребление определенных слов, обусловленный социально-политическими, историческими, культурными, этическими или эмоциональными факторами [7. С. 345].

Вопрос религиозных и морально-нравственных коммуникативных запретов наиболее остро стал звучать в эпоху Просвещения, когда расцвет рационализма привел к переосмыслению многих считавшихся незыблемыми социальных норм и порядков. Идеи свободомыслия, свободы слова и независимости религии от морали активно пропагандировались в философских трудах многих ученых того времени. Однако ирландский философ и богослов Дж. Беркли выступал против таких идей и посвятил этой теме один из своих платоновских диалогов в книге «Алкифрон. Мелкий философ», ставшей апологетом христианской религии. Во втором диалоге Беркли в лице персонажа по имени Евфрон ведет дискуссию со свободо-мыслящим философом Люсиклом, олицетворяющим английского писателя и экономиста Б. Мандевиля. Люсикль приводит доводы в пользу того, что самые вредоносные и порицаемые обществом пороки имеют благие экономические последствия для самого же общества. Например, пьянство одних позволяет другим (пивоварам, винокурам, перегонщикам спирта и т.д.) иметь постоянную работу и получать доходы. Люсикль выступает против теологов и моралистов, осуждавших против всякого здравого смысла такие человеческие пороки и запрещавших их на религиозной основе. Однако, по словам Люсикля, некоторые «находчивые» и «ловкие» философы «изобрели особую изысканную манеру выражаться, весьма ослабевшую предубеждение и отвращение к пороку». Такие философы приняли в расчет, что «люди обращают внимание не на вещи, а на слова». Далее он уточняет: «Например, человек порочный – это на нашем языке “любитель удовольствий”, шулер – “тот кто ведет крупную игру”; о леди мы скажем, что “у нее роман”, джентльмена назовем “галантным кавалером”, а жулика – “человеком, знающим жизнь”. Таким образом, среди особ, принадлежащих к beau monde, не бывает ни горьких пьяниц, ни мошенников, ни развратников, ни блудниц – светский человек может преспокойно наслаждаться своими пороками, не рискуя навлечь на себя неудобные названия» [8. С. 43–44].

Со времен эпохи Просвещения в теории языка стала активно развиваться концепция суррогационизма [9. Р. 113–114], согласно которой языковой знак замещает некое содержание и служит условной формой его выражения. Эта условность подобна игровому принципу и носит характер договоренности между участниками коммуникации и проявляет себя только в акте употребления языкового знака [10]. Согласно этой концепции эвфемизмы стали пониматься как замены, субституты неких antecedentов для решения различных коммуникативных целей, в частности соблюдения принятых в обществе правил и норм речевого поведения.

В конце XVIII в. под эвфемизмом было принято понимать риторический прием, который заключается в использовании «менее неприятного слова или выражения, чем то, что подразумевается» [1]. В современном понимании эвфемизм – это более вежливое слово или выражение, выбранное взамен прямолинейного или оскорбительного, чтобы не обидеть и не задеть чьи-то чувства [11].

Необходимо отметить, что в современном мире эвфемизация приобретает политический контекст в связи с развивающимися интеграционными процессами и нарастающей актуальностью кросскультурной коммуникации. В эпоху глобальной ассимиляции, когда представители различных национальных, этнических, религиозных групп и сообществ вынуждены находить общий язык для гармоничного сосуществования друг с другом, фактор толерантности и уважения к чувствам и убеждениям другого играет огромную роль. Гарантировать подобные идеалы межкультурной и межличностной коммуникации была призвана политкорректность. Согласно С.Г. Тер-Минасовой политическая корректность языка выражается в «стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые... ущемляют его [индивидуума] человеческие права... языковой бестактностью и/или прямолинейностью...» [12. С. 216].

Первое упоминание слова «дисфемизм» (*dys-* «bad, abnormal, difficult») в качестве термина регистрируется 1927 г. Альбертом Карнуа, который определил его как «насмешливое, грубое издевательство, являющееся также реакцией на педантство, претенциозность и схолицизм в языке» [13. Р. 146]. В современных словарях английского языка фиксируется значение дисфемизма как «неприятное, оскорбительное или уничижительное слово или выражение взамен менее грубого или менее оскорбительного; противоположен эвфемизму» [1, 2]. Таким образом, в современной лингвистической науке принято считать, что эвфемизм и дисфемизм являются «противоположными полюсами на оси оценочного варьирования денотата» [14. С. 178; 15. С. 96].

Появление в научном обиходе термина «дисфемизм» вызвало необходимость проводить различие между эвфемизмами, дисфемизмами и нейтральными выражениями, потому что из определения дисфемизма следует, что заменяемое им выражение обязательно имеет смягчающий смысл только по сравнению с этим дисфемизмом. Чтобы решить такую терминологическую проблему, К. Аллан и К. Барридж ввели термин «ортофемизм», корни которого восходят к греческому «орто», т.е. «надлежащий, прямой, нормальный», как наименование нейтрального способа вербализации неприятного, отрицательного признака денотата [15. Р. 29–34]. Тем самым они определяют эвфемизмы как благозвучные и вежливые выражения, дисфемизмы – как выражения грубые и оскорбительные, ортофемизмы – как нейтральные обозначения; икс-фемия же выделяется ими как термин–гипероним, обобщающий все эти три явления и характеризующий их в диалектике номинативного варьирования. В данном исследовании будет использоваться термин «икс-фемизм», означающий эвфемизм и/или дисфемизм.

2. Противоречия и ограничения существующих теорий

Исторический обзор и этимологический анализ свидетельствуют о том, что за много лет объяснительная модель эвфемизации и дисфемизации,

дополняемая научными описаниями их прагматических и семантических функций, существенным образом не изменились. Как и следует из самой этимологии терминов, это то, что лучше или хуже звучит вместо чего-то другого, по разным причинам не называемого. Однако такую объяснительную модель икс-фемизмов как явлений языка нельзя считать удовлетворительной в научном отношении, поскольку она обнаруживает в себе ряд логических противоречий.

1. С терминологической точки зрения существующие определения эвфемизации и дисфемизации вступают в противоречие с тем пониманием процесса номинации, из которого эти определения исходят.

Идея о существовании неких antecedентов «под оболочкой» субститутов (эвфемизмов и дисфемизмов) восходит к теории номинации, согласно которой языковой знак представляет собой суррогат, замещающий концептуальное или семантическое содержание. Суррогационизм стал популярен в учениях Ф. де Соссюра и Л. Витгенштейна, определившими природу такого процесса замещения как условность, проявляющую себя в самом акте употребления знака.

Таким образом, утверждается, что эвфемизмы и дисфемизмы замещают другие наименования, однако эти самые наименования тоже замещают некое концептуальное содержание. В результате получается двойное замещение, о котором не говорили ни Соссюр, ни Витгенштейн, или, по крайней мере, остается неясным, что конкретно замещают эвфемизмы и дисфемизмы – свое собственное концептуальное содержание (которое, судя по определениям, у них отсутствует) или содержание другого языкового знака (а в таком случае второй знак останется без содержания?).

Стоит отметить, что логика, взятая за основу определения терминов «эвфемизм» и «дисфемизм», циркулярна. Исходя из предположения, что эвфемизм – это менее оскорбительное слово взамен более оскорбительного, а дисфемизм – это более оскорбительное слово взамен менее оскорбительного, можно сделать вывод, что эвфемизм заменяет дисфемизм, который заменяет эвфемизм. Выход из этого логического тупика, предложенный К. Аллан и К. Барридж в виде термина «ортофемизм», не решает проблемы. Во-первых, не каждое концептуальное содержание возможно рассмотреть в том триединстве способов номинации, о котором говорят исследователи. Например, многие ругательные и бранные слова вряд ли могут иметь нейтральные и эвфемистические номинативные эквиваленты одновременно. Во-вторых, предположив, что ортофемизм – это неоскорбительное слово, но «более прямолинейное, буквальное и формальное, чем эвфемизм» [15. Р. 34], то все равно можно попасть в ту же самую логическую ловушку замкнутого круга: эвфемизм заменяет ортофемизм, который заменяет эвфемизм.

Еще более парадоксальным кажутся определения икс-фемизмов по отношению к тому, как процесс коммуникации понимается на уровне здравого смысла. Трудно отрицать тот факт, что общение (даже в письменной форме) – это прежде всего *выбор* слов. Между тем икс-фемизмы опреде-

ляются как замены неких других наименований. Возникает логическое противоречие, поскольку в отдельно взятый момент мы не можем выбирать и заменять слово одновременно: замена есть операция над уже сделанным выбором.

2. В стилистике и риторике название плохих вещей хорошими и наоборот определяется как ирония (противоречие «явного» смысла «истинному»). Ирония же всегда связана с эффектом высмеивания, что, по сути, создает негативные оценочные коннотации. В результате эвфемизм как способ замены неприятного наименования более приятным логично определить как иронию, создающую дисфемистический эффект. Один из таких примеров – эвфемизм *handi-capable*, описывающий людей с «неограниченными возможностями» [16].

3. Согласно прагматическому подходу, эвфемизмы могут служить коммуникантам средствами самооправдания, дезинформирования, манипулирования, «зартушевывания истинных значений» [14, 17]. Однако такая интерпретация функций эвфемизмов включает в себе негативную оценку со стороны интерпретанта, что ставит под сомнение логичность изначального определения эвфемизации. Если известный эффект эвфемизма настолько негативный и при этом сам говорящий это осознает, совершая эвфемистические замены ради обмана кого-либо, каким образом такая замена может трактоваться как «более вежливая, приемлемая, приятная, менее обидная и оскорбительная»?

4. С этической и религиозной точек зрения функция эвфемизмов также противоречива. С одной стороны, они замещают «порочные» наименования, но с другой стороны, о чем писал Дж. Беркли, служат оправданием самих пороков.

Данные логические противоречия, с которыми сталкиваются лингвистическая наука и смежные с ней дисциплины в попытке выстроить последовательную теорию икс-фемизмов, объясняются нарушением одного из законов логики, а именно принципа достаточного основания (закона логики, согласно которому каждое научное понятие или суждение может считаться достоверным, если были приведены достаточные основания, доказывающие его истинность). В частности, определение и описание эвфемизмов и дисфемизмов построено на таких характеристиках слов, как оскорбительность, чувство обиды и даже «(не)приятность». Однако не приводится никаких оснований или уточнений, помогающих понять, что может быть оскорбительным для одного человека и приятным для другого.

Не будет преувеличением сказать, что обида, вызванная тем или иным словом, – это сугубо психологический феномен, который невозможно определить линейно и в абсолютном измерении. Это всегда индивидуальные переживания каждого конкретного человека, зависящие от множества психологических факторов. Даже близкое знакомство или родство с человеком зачастую не помогает нам предугадать, как он воспримет наш тот или иной выбор слова, более того, зачастую мы даже можем не знать и постфактум о том, как обидели наши слова кого-то другого просто потому,

что кто-то другой умело скрыл свои чувства от нас. Включая в свой научный аппарат понятия из области психологии, лингвисты не углубляются в саму теорию психологии, объясняющей эти понятия.

Предполагается, что данную проблему можно решить, обратившись к междисциплинарному подходу к изучению коммуникационных явлений, интегрирующему знания из различных предметных областей, включая психологию и эпистемологию (в частности, философию науки).

3. Икс-фемизмы и относительность конструируемого опыта

В этом исследовании мы выдвинем гипотезу о том, что эвфемизмы и дисфемизмы невозможно определить заранее, в виде словарно-списочной номенклатуры, и они не служат «пользователю языка» средством замены или уклонения от чего-то иного, неназываемого. На наш взгляд, икс-фемизмы являются **способом конструирования опыта в нестабильной динамике коммуникативных взаимодействий, определяющих постоянно меняющееся отношение коммуниканта к объекту внимания**. Приведем теоретико-методологические основания для выдвинутой гипотезы и впоследствии докажем ее путем анализа эмпирического материала.

Идея о том, что между языком, опытом и миром человека существуют циркулярные, взаимно-каузальные связи, не позволяющие отделить одно от другого, восходит к учениям В. фон Гумбольдта, Л. Вайсгербера, неоднократно звучит в работах Э. Сепира и Б. Уорфа и находит свое развитие в современной философии конструктивизма и знактивизма (Х. фон Ферстер, Э. фон Глазерсфельд, П. Вацлавик, Г. Бейтсон, Дж. Келли, У. Матурана, Ф. Варела, Ж. Пиаже). В своих экспериментальных исследованиях Ж. Пиаже доказал, что развитие семиотических функций требует перестройки всего сенсомоторного интеллекта (опыта), которым человек оперировал раньше. Эта перестройка означает качественно новый уровень познавательной активности человека – вертикальный декалаж [18. Р. 148; 19. Р. 234], на котором все дооперациональные («доязыковые») концепты приобретают семантическую форму, а не дублируются ею. Язык становится онтогенетическим продолжением органов чувств [20; 21. Р. 122], и человеческий мозг начинает думать языком [22] ровно так же, как тело начинает чувствовать определяемые в языке ощущения. Восприятие, мышление, язык и эмоции взаимно обуславливают друг друга в формировании человеком своего познавательного опыта: если два разных человека произносят одно и то же слово, это не значит, что они воспринимают, осмысливают и чувствуют мир одинаково в соответствии с этим словом. Как заметил И. Кант, слепорожденный не знает, что такое тьма, потому что он не знает, что такое свет; «дикарь не представляет себе бедности, потому что не знает благосостояния» [23. С. 455].

Конструктивизм и теория семантической относительности отнюдь не чужды науке о языке. Популярный в современной теории языка термин «языковая картина мира», принадлежащий гумбольдтианцу Л. Вайсгербе-

ру, служит тому подтверждением. В это понятие немецкий лингвист вкладывал не столько значение отражательной способности языка по отношению к миру и реальности, сколько мировоззрение, миропонимание, образ мышления и способ восприятия мира, конституирующие человеческое сознание. Вайсгербер называет картиной мира «энергетический» процесс «интеллектуальной переработки человеком его окружающего мира» [24. S. 600], духовного воссоздания мира посредством слова и процесс языкового мирозидания в целом [25. С. 235], сравнивая ее с гумбольдтовской внутренней формой языка как созидующим принципом, как «непрерывным процессом духовного преобразования и устройства» [26. S. 131]. Впоследствии в своей логико-позитивистской философии языка Л. Витгенштейн введет понятие «карта мира», подразумевая под этим изобразительную репрезентацию реальности, что в какой-то степени исказит конструктивистское толкование термина «картина мира» в теории языка. Так или иначе, понятие *Weltbild* трудно ассоциировать с метафорой изоморфного копирования «объективной действительности», особенно учитывая этимологию слова *Bild* (от «bilden») и дословный перевод немецкоязычного термина («строить мир»).

Л. Витгенштейн не признавал, что индивидуальный опыт – это и есть язык в коммуникативной динамике. Он верил, что общение строится на общественной условности (правилах игры), которую изменить нельзя, т.е. нельзя сказать «Мне холодно» и иметь в виду «Мне тепло» без нарочного нарушения неких правил игры [10. § 510]. В ответ на это конструктивизм имеет ряд веских контрдоводов.

Если исходить из утверждения, что использование знаков является предметом договорённости между пользователями языка, возникает логический парадокс. Согласия о правильном словоупотреблении нельзя достигнуть без сравнения между правильным и неправильным словоупотреблением. Откуда возникает правильность и неправильность словоупотребления, прежде чем стать объектом сравнения пользователей языка с целью их будущей договоренности о правильном словоупотреблении?

Аналогия между коммуникацией и игрой, полюбившаяся Ф. де Соссюру, Л. Витгенштейну и их последователям, также логически противоречива. Причина противоречивости заключается в игнорировании теории сложности динамических систем, к которым относится человеческий организм. Называя коммуникативную динамику игрой, философы пренебрегают важной биологической и психологической функцией общения как социального взаимодействия – взаимной адаптацией и сохранением внутреннего порядка. По сути, игра – это линейный процесс перехода от состояния большей упорядоченности к состоянию меньшей упорядоченности в заранее предписанных условиях окружающей среды. Игра неизменно начинается с «нулевой» позиции, где баланс сил между участниками равен, и главный смысл игры – это максимальное нарушение этого равновесия. Коммуникация же, напротив, всегда направлена на достижение когнитивного баланса и единогласия после ранее существовавшего дисбаланса и

разногласия. Коммуникация происходит не благодаря, а вопреки договоренностям и конвенциям: «непонимание становится триггером немедленного поиска значения и порядка» [27. Р. 22]. «Если бы оба человека все время говорили логически, они никогда ни к чему бы не пришли. Они только повторяли бы как попугаи старые клише, которые все повторяли столетиями» [28. Р. 15]. Иными словами, в основе коммуникативного взаимодействия лежит стремление восстановить нарушенное тем или иным образом когнитивно-эмоциональное равновесие, в то время как игровое взаимодействие подчинено прямо противоположной цели. Именно поэтому для коммуникации вполне естественно такое нарушение правил языковой игры, как неправильная интерпретация, а вернее, возникновение разных и порой прямо противоположных интерпретаций одного и того же слова, особенно если речь идет о конфликте или споре.

Возвращаясь к рассуждениям Л. Витгенштейна о противоположных значениях слов, скажем, что противоположность нередко проявляется в коммуникативных взаимодействиях, когда коммуниканты имеют разный предшествующий опыт и разные ожидания друг от друга. Именно противоположности такого рода, которые и следует назвать икс-фемизмами, мы проанализируем в следующем разделе статьи.

4. Икс-фемизмы в коммуникативных взаимодействиях

Метод. Как известно, методологическими приоритетами в научном познании считаются не только логическая последовательность и обоснованность концепций, но и объяснимость теоретических представлений их эмпирическими следствиями, возвратно-поступательное движение научной рефлексии от теории к наблюдению, и наоборот. Любое несоответствие между теорией и наблюдением рождает концептуальное противоречие, дискредитирующее всю теоретическую модель, поэтому противоречие в науке игнорировать нельзя [29. Р. 23]. Научный метод подразумевает подкрепление логического рассуждения эмпирическими данными для того, чтобы верифицировать результаты дедуктивных умозаключений относительно наблюдаемых явлений окружающего мира. Представляется, что лингвистическая методология не должна составлять исключение: исследование языка не может обходиться без свидетельства опыта, потому что язык – это и есть составная часть человеческого опыта, если не весь опыт вообще [30].

Традиционная практика лингвистического анализа полагается на логико-интерпретационный метод, с помощью которого создаются аналитико-теоретические конструкты, используемые для объяснения и описания друг друга. В роли объекта такого логико-интерпретационного анализа выступают различные абстрактные модели коммуникативных явлений, как, например, понятия «эвфемизм» и «дисфемизм». Материалом для такого исследования может служить только текст как упорядоченная идеализация коммуникативных явлений.

Однако что в исследовании языка можно подвергнуть эмпирическому наблюдению? Эвфемизмы и дисфемизмы – это понятия еще более высокого уровня генерализации, чем понятие «слово». Ни эвфемизмы, ни дисфемизмы наблюдать нельзя, поэтому они не могут стать объектами эмпирического анализа. Но, как заметил Р. Харрис, «языковой универсум населен не загадочным образом скрытыми от наблюдения объектами под названием “языки”, а наблюдаемыми человеческими существами, которые каким-то образом иногда умудряются общаться друг с другом» [31. Р. 16]. Соответственно, икс-фемизмы увидеть воочию нельзя, но можно наблюдать **поведение тех, кто ими (как предполагается) пользуется в своей речи.** В качестве такого поведения мы подразумеваем (негативные или положительные) *эмоциональные реакции* коммуниканта на исследуемую языковую единицу в отдельно взятой ситуации, а также его *опыт пережитых жизненных ситуаций*, который обусловил данную эмоциональную реакцию и специфическое понимание значения языковой единицы.

Признавая важность диалектического единства текстологического и эмпирического подходов к изучению языка и коммуникации, в данном исследовании мы совместим эти два научных метода – логической интерпретации текстовых фрагментов и наблюдения за коммуникативным поведением – с целью построения синтетической, лингво-психологической модели икс-фемии в противовес аналитико-текстологической.

5. Эмпирический материал и логико-методологическая процедура

В качестве первичных источников данных об икс-фемизмах были выбраны кинофильмы как видеодемонстрации эмпирических феноменов, поддающихся интерпретации. Наш выбор материала обусловлен следующими причинами: во-первых, поведение коммуникантов, запечатленное на пленке, доступно для непосредственного наблюдения, потому что можно видеть эмоциональные реакции, жесты и любые другие проявления оценочного отношения к объекту внимания (впрочем, сам объект внимания коммуниканта тоже наблюдаем); во-вторых, благодаря фильмам оказывается доступным для наблюдения предшествующий (и даже последующий) опыт взаимодействий коммуникантов, что позволяет глубже понять контекст коммуникации, включая такие психологические факторы, как мотивы, эмоциональное и физическое состояние коммуниканта.

Источником данных для исследования послужил культовый американский сериал «Отчаянные домохозяйки» (2004–2012 гг.), созданный в жанре трагикомедии. Данные, отобранные на основе анализа этого телесериала, мы считаем репрезентативными, поскольку сюжетные линии в фильме охватывают широкий спектр коммуникативных взаимодействий (взаимоотношения в семье, между друзьями, соседями, в преступной среде, в политической, медицинской, деловой и других сферах). Фактор жанровой характеристики подчеркивает тот факт, что все эти ситуации существуют или гипотетически могут возникнуть в реальной жизни. К тому же попу-

лярность телесериала во всем мире (по официальным данным, аудитория сериала составляет более 120 млн телезрителей) обосновывает актуальность историй, положенных в основу сюжета, для современного зрителя вне зависимости от национальной принадлежности.

В более широком научном смысле использование кинофильма как источника эмпирических данных может встретить возражения со стороны критиков. Подытожим доводы тех ученых, которые считают кино эмпирически неестественным и «скудным» явлением [32. Р. 83]:

- 1) фильмы – это вымысел, художественное произведение;
- 2) в фильмах нет спонтанной каузации;
- 3) вымышленное поведение не может быть наблюдаемо;
- 4) фильмы ограничены воображением своих создателей;
- 5) фильмы – это совокупность интерпретаций тех, кто участвует в их создании.

Приведем соответствующие контраргументы, доказывающие надежность кинофильма как эмпирического материала.

В аргументе **(1)** фильмы рассматриваются в известной дихотомии реализма «факт – фикция» («быль – небылица», «правда – вымысел»), согласно которой фильмы – это произведение кинематографического искусства, художественный вымысел, не имеющий ничего общего с реальностью, и поэтому они не могут считаться эмпирическим обоснованием научной гипотезы. Однако не совсем справедливо называть кино вымышленной реальностью, поскольку вымышленным и «нереальным» можно назвать лишь сюжет кинофильма, но не то, как этот сюжет выстраивается и развивается в динамике видеоряда. Вымышленность – это интерпретационная характеристика прослушанной или прочитанной истории, видеодемонстрация этой истории никогда не бывает вымышленной, потому что наблюдаемость истории относится к перцептуальной, а не к интерпретационной характеристике опыта кинозрителя. Тот факт, что историю можно увидеть в игровой картине, не является вымыслом. Кино позволяет нам конструировать связную последовательность зрительных образов, в которой мы обнаруживаем следы собственного опыта, потому что наше тело движется, а сознание связывает эти движения в такой же последовательности [33. Р. 97]. Поэтому нет никаких оснований утверждать, что наблюдение за такой последовательностью не принесет «реально» эмпирические результаты. По словам Э. Морена, фильмы – это реальность движения и форм: «Сочетание реальности движения и видимости форм создает впечатление действительной жизни и восприятие объективной реальности. Формы отдают свою видимую материальность движению, а движение реализует формы» [34. Р. 118].

Понятие спонтанной каузации в утверждении **(2)** лежит в основе осмысления причинно-следственных связей как структурных компонентов внешнего мира, существующих и реализующихся независимо от наблюдателя. Возникает парадокс, потому что наблюдение – это важнейший эмпирический метод научного познания, без которого науке не обойтись. При этом наблюдение, как известно, невозможно осуществить без наблюдателя.

В кино, которое по определению ориентировано на наблюдение и на наблюдателя, каузация всегда спонтанна с точки зрения этого наблюдателя: несмотря на наши ожидания, мы как зрители никогда не можем знать наверняка, что произойдет дальше и как поведут себя герои.

Заявление **(3)** о невозможности наблюдения вымышленного поведения [32. Р. 83] противоречит определению слова «наблюдать», означающего в первую очередь «быть доступным чувственному восприятию». Аудио- и видеозапись человеческого поведения предназначена для того, чтобы быть наблюдаемой, а вымышленность, как было отмечено выше, логически не отменяет факт наблюдаемости.

Ограниченность фильмов когнитивными границами чьего-либо воображения (например, сценариста), о которой говорится в аргументе **(4)**, напротив, доказывает, а не опровергает изначальный тезис. Границы воображения, по сути, и становятся объектом лингвистического исследования, цель которого – проверить гипотезы о когнитивных механизмах конструирования человеческого опыта в языке [35]. Если мы сможем наблюдать, как человек создает мир в своем воображении, осмысляя не только логические, но и психологические связи и отношения между субъектами и объектами, то получим реальные эмпирические данные, позволяющие проверить теории о том, как человек использует языковые знаки в своем мышлении, общении и эмоциональном самовыражении.

Аналогичным образом утверждение **(5)** о совместном участии нескольких лиц в создании фильма [36. Р. 84] не только доказывает наш главный тезис, но и подтверждает репрезентативность данных, которые можно получить с помощью кинематографического наблюдения.

Лингвистическое исследование коммуникативных фрагментов подразделяется на два этапа: текстологический и эмпирический. Текстологический анализ подразумевает логическую интерпретацию текстового фрагмента, в роли которого выступает скрипт коммуникативного взаимодействия, изображенного в кино. Логико-интерпретационный анализ икс-фемизмов, используемых в тексте, осуществляется с опорой на лексикографические данные и логико-семантические параметры контекста, в рамках которых дисфемизмом считается слово с «однозначно» оскорбительной и неодобрительной эмоциональной коннотацией, а эвфемизм определяется как «однозначно» благозвучное и вежливое слово или выражение, заменяющее дисфемизм или нейтральное, ортофемистическое именование. Эмпирический анализ основан на методе наблюдения и интерпретации экспериенциальной ситуации, в которой предполагаемые словарные или логико-семантические икс-фемизмы реализуются на практике: в поведении коммуникантов и их отношении к объекту внимания, обусловленных специфическим жизненным опытом. Результаты текстологического и эмпирического анализа каждого фрагмента позволяют сделать синтетическое суждение о коммуникативной и прагматической природе исследуемых икс-фемизмов.

Логико-методологическая процедура исследования основана на принципе доказательства «от противного». Мы обоснуем тезис о том, что от-

ношение человека к тому или иному объекту внимания, в качестве которого выступает имя, не может быть зафиксировано в языковой семантике априори (согласно гипотезе о словарно-списочном, или номенклатурном, статусе эвфемизмов и дисфемизмов как вежливых и оскорбительных замен иных наименований), а всегда меняется в зависимости от контекста коммуникации, мотивов и эмоциональных состояний коммуниканта.

6. Исследование

Приведем пример ситуации, в которой функционирование словарного эвфемизма признается противоречивым самими участниками коммуникации. Коммуникативное взаимодействие происходит между супругами Бри и Орсоном, которые обсуждают соседку по улице Энджи Болен:

Bree. I'm not a fan of Angie Bolen. She can be very forward.

Orson. I like her. She's earthy, takes a real interest in people.

Bree. Yes. Last week she asked me how much my dress cost, and did I still get visits from my *Aunt Flo*.

Orson. I believe that's a *euphemism* for...

Bree. I know what it means¹.

Уже на этапе текстологического анализа выявляется ряд логических противоречий между лексикографическим статусом эвфемизма и его контекстуально-семантическим функционированием. Согласно словарю идиоматических выражений, фразеологизм *Aunt Flo* маркируется как эвфемизм и считается шутивным способом обозначения менструального периода у женщин [37]. На это указывает Орсон, используя непосредственно термин «эвфемизм» и убеждая жену в том, что Энджи Болен таким образом проявляет равнодушное отношение к другим людям. Однако сама Бри не разделяет энтузиазма мужа, пресекая его попытки объяснить значение эвфемизма. Возникает противоречие: с одной стороны, в теории языка эвфемизм считается непрямым обозначением [38], с другой стороны, Бри называет «автора» эвфемизма прямолинейной, явно обижаясь на вопрос о приходе Тетушки Фло.

Более широкий, эмпирический ракурс на дискурсивное взаимодействие помогает понять причины противоречий, возникших на логико-интерпретационном этапе анализа. Зритель телесериала как наблюдатель коммуникативных взаимодействий героев легко может реконструировать экспериенциальный контекст обидного для Бри эвфемизма. Бри Ходж пытается всегда быть во всем идеальной и примерной: у нее репутация образцовой домохозяйки и светской леди, она владеет кулинарным бизнесом и непревзойденно готовит разнообразные блюда. Однако при первой же встрече с недавно переехавшей в пригород Энджи Болен Бри испытывает

¹ Desperate Housewives. Season 6. Episode 7. 2009. Scenarist M. Cherry. URL: <https://watchdesperatehousewives.com/> (дата обращения: 10.04.2020).

явную неприязнь к соседке, которая связана, как сама признается Бри, с разницей в воспитании. Энджи, итальянка по происхождению, родом из простой семьи и ведет себя в обществе свободно и непринужденно, позволяя себе экспрессивную жестикуляцию и откровенные вопросы, что смущает Бри, которая привыкла сдерживать свои эмоции и скрывать свои чувства от остальных. В результате негативное эмоционально-оценочное отношение Бри к Энджи на момент коммуникации стало условием того, что теоретический эвфемизм *Aunt Flo* «превращается» в практический дисфемизм в анализируемой дискурсивной ситуации.

Относительность и амбивалентность эмоционально-оценочных коннотаций икс-фемизма можно проследить в следующем примере, где сами коммуниканты расходятся в определении того, что есть пристойная замена неприличного слова, а что нет:

Eddie. Could this flip-flop have something to do with the fact that Danielle's dating Matthew? (обращается к Сюзан) I knew that would get her.

Bree. Who told you that?

Eddie. Mrs. McCluskey saw them *making out* in the park.

Susan. Eddie!

Eddie. What?

Susan. Can't you *sugar-coat* it a little?

Eddie. I did. He had his hand down her shirt¹.

Коммуникативное взаимодействие происходит между соседями по улице. Сюзан и Иди пытаются выяснить у Бри, почему та неожиданно возобновила дружеское общение с Бети Эпплвайт несмотря на то, что ее (Бети) и ее сына Мэтью подозревают в причастности к убийству. Иди предполагает, что на изменение решения Бри повлияла романтическая связь ее дочери с сыном Бети.

Логико-семантические параметры контекста позволяют выделить дисфемистические коннотации выражения *make out* 'лизаться', поскольку в самом тексте оно признается грубым, прямолинейным и нуждающимся в приукрашивании (*sugar-coating*). Лексикографические данные подтверждают выводы текстологического анализа: многие словари маркируют фразовый глагол *make out* как сленг или лексику потенциально грубого, сниженного стиля [39, 40]. Однако если Сюзан выражение *make out* показалось грубым, то для того, кто его использовал (Иди), оно звучит, напротив, мягко, потому что, на ее взгляд, французским поцелуем молодых людей дело не ограничилось. Получается, что в одной и той же ситуации *make out* воспринимается коммуникантами и как «приукрашивающее» (*sugar-coating*), и как грубое выражение одновременно.

Эмпирический анализ позволяет лучше понять причины такого эффекта амбивалентности икс-фемизма. Различный жизненный опыт Сюзан и Иди

¹ Desperate Housewives. Season 2. Episode 14. 2006. Scenarist M. Cherry. URL: <https://watchdesperatehousewives.com/> (дата обращения: 10.04.2020).

объясняет разницу во взглядах на коннотативную семантику выражения *make out*. Иди предстает зрителю как любвеобильная красавица, меняющая партнеров и использующая внимание мужчин как способ самоутвердиться. Ее привычка флиртовать с незнакомцами, манера откровенно одеваться, смотреть изучающим взглядом на мужчин и комментировать интимную жизнь подруг в их присутствии стали отличительной чертой ее поведения. Для нее не постыдно назвать близость молодых людей сленговым словом. Сюзан, наоборот, консервативна в вопросах интимной жизни, зачастую застенчиво и нерешительно рассказывает о сексуальном опыте. После развода Сюзан живет с дочерью, влюблена в одного мужчину и пытается построить с ним отношения. Очевидно, что в восприятии Сюзан *make out* звучит дисфемистично. В результате экспериенциальный статус одного и того же выражения меняется в зависимости от коммуниканта и его жизненного опыта, превращая семантическую единицу в эвфемизм и дисфемизм одновременно.

Рассмотрим другой пример, связанный с неоднозначным статусом иксфемизма. Действие происходит на пригородном шоссе, где Габриэль со своим знакомым попали в пробку, и чтобы быстрее добраться до ближайшей кондитерской, они решили поехать по обочине, намеренно нарушив правила дорожного движения. Это заметил полицейский и остановил их машину.

Policeman. Sir? You do realise the shoulder is used just for emergencies?

Gabrielle. Officer, hi. Are we glad to see you. We could really use a police escort to the bakery. It closes in 10 minutes.

Policeman. That's not an emergency, *ma'am*.

Gabrielle. *Ma'am*? Talk about police brutality.

Policeman. License and registration, please¹.

С текстологической точки зрения обращает на себя внимание неоднозначная коннотативная семантика слова *madam* (*ma'am*). Лексикографический анализ показывает, что это эвфемизм, потому что оно используется для вежливого и уважительного обращения к женщине, как правило, в сфере услуг, когда имя женщины неизвестно [11]. В рамках данного дискурсивного взаимодействия эвфемистический статус обращения *ma'am* дедуктивно выводится из представленной в тексте информации: полицейский соблюдает формальный стиль общения, реагируя на шутливое предложение Габриэль вежливо и уважительно, соблюдая правила вежливой коммуникации с гражданами. Отсутствие этого обращения можно было бы принять за проявление предвзятого и потенциально грубого отношения к Габриэль, поскольку к водителю полицейский обратился идентичным образом (*Sir*). Однако Габриэль воспринимает это обращение как проявление «полицейского произвола».

¹ Desperate Housewives. Season 7. Episode 8. 2011. Scenarist M. Cherry. URL: <https://watchdesperatehousewives.com/> (дата обращения: 10.04.2020).

Экспериментальная ситуация, наблюдаемая в фильме, помогает раскрыть сущность негативной эмоциональной реакции Габриэль. За некоторое время до инцидента Габриэль с мужем (Карлосом) принимали гостей. В то время пока Карлос готовил ужин, Габриэль как хозяйка взяла на себя функцию развлекать гостей различными шутками, веселыми разговорами и аперитивом в виде коктейля. Когда Карлос обнаружил, что Габриэль забыла купить обещанный ею десерт к ужину, он настоял на том, чтобы та съездила в кондитерскую. Однако Габриэль уже выпила бокал вина, поэтому за руль сел один из гостей (Гектор). Чтобы быстрее успеть в кондитерскую и исправить свою ошибку, Габриэль попросила Гектора ехать по обочине в объезд пробки. Поняв, что ее план обернется штрафом от полицейского, что явно испортит настроение ее гостю, Габриэль, чувствуя теперь двойную вину, продолжает веселить Гектора на правах хозяйки ситуации, надеясь отшутиться таким образом и от сотрудника полиции. Однако вопреки ожиданиям Габриэль полицейский не поддержал ее шутливый тон. Именно поэтому в данной ситуации обращение *ma'am*, которое использует полицейский, оказывается для нее «неудобным» и даже дисфемистичным. В результате словарный эвфемизм *madam* приобретает экспериментальный статус дисфемизма.

Междометие *please* играет важную коммуникационную роль, и в большей степени эта роль объясняется эвфемистической коннотацией: слово «пожалуйста» по своему определению позволяет участнику общения быть вежливым в своих просьбах [41], а известное с детства правило «волшебного слова», помогающего избежать грубого и обидного тона, является одним из базовых коммуникативных умений, которые мы приобретаем в своем языковом опыте. Тем не менее обстоятельства коммуникации могут изменить эвфемистическую коннотацию и превратить ее в дисфемистическую, как показано в сцене, основные действующие лица которой – муж (Орсон) и жена (Бри) – переживают кризис в отношениях после драматических событий (измена Бри и приобретенная инвалидность Орсона). Бри осознает свою вину и старается ее искупить тем, что берет на себя обязательство ухаживать за мужем, потерявшим способность ходить. Орсон же не может смириться с переменой в своей жизни и ведет себя крайне грубо и заносчиво по отношению к жене. В то время как Бри выполняет каждую просьбу Орсона, тот не удосуживается поблагодарить ее за это или даже сказать «пожалуйста». Чаша терпения Бри переполняется, когда Орсон уже в очередной раз отказывается принять ванну, чтобы избавиться от неприятного запаха. Она вывозит его на лужайку и окатывает водой из шланга. Между ними происходит следующий диалог:

Bree. Say "please!"

Orson. Go to hell!

Bree. Why can't you just say it? It's easy.

Orson. Please, please, please! Please, please, please. Please! Stop! Please, stop it! Please! Stop! Please roll me over, please help me off the toilet, please, please, please! That's the life I'm facing now! Having to ask people for help for everything!

Do you know how hard that is? Every morning I wake up at 5:00. You get up at 6:30. For an hour and a half, I lie there staring at the bedroom door, fantasizing about how lovely it would be, how excurciatingly lovely it would be to get up and make myself a cup of tea one last time. No "please," just hot water and tea¹.

С текстологической точки зрения функция вежливого слова в данном контексте также дисфемистична. На просьбу Бри сказать «пожалуйста» Орсон отвечает крайне резко и грубо, отказываясь благодарить жену, которая доведена его заносчивостью и грубостью до иступления. В данной эмоциональной сцене достаточно ярко и убедительно раскрывается идея негативного опыта, связанного с положительным на первый взгляд словом *please*. Для Орсона семантика этого слова дисфемистична в контексте взаимодействия с женой, поскольку попросить ее об одолжении – значит терпеть унижение и чувствовать себя беспомощным. Ему невыносимо трудно вежливо просить свою жену помочь ему с тем, о чем при иных обстоятельствах он бы никогда не стал просить. Именно поэтому он предпочитает грубить вместо того, чтобы быть вежливым (по крайней мере, в понимании его жены), а настойчивые просьбы Бри использовать слово «пожалуйста» воспринимает как оскорбление.

Следующим семантическим объектом исследования становится иксфемизм *slave*. Используя приемы историко-диахронического семантического анализа, докажем его дисфемистический статус с точки зрения теории языка и коммуникации. Слово *slave* для жителей современных США связано с негативной коннотацией, чему есть историческое объяснение. Проблема рабства, процветавшего в южных штатах, делила страну на два противоборствующих лагеря на протяжении более 150 лет. Гражданская война 1861–1865 гг. стала кульминацией борьбы за экономическое и социальное равноправие в развивающемся государстве, где еще почти сто лет до этого в первой официальной конституции 1787 г. Б. Франклин ввел статью о запрете рабского труда. Примечательно, что уже в этой статье слово *slave* было заменено на слово *Person*. Как известно, по окончании войны законом были запрещены любая торговля людьми, попавшими в рабство, и их использование. С тех пор понятие «раб» стало несовместимо с американскими ценностями. В своем буквальном значении слово *slave* считается в современном английском языке «обесчеловечивающим термином», а вместо него предпочитается сочетание *enslaved person*². Метафорическое значение слова (человек, подчиняющийся влиянию) также маркируется словами как неодобрительное [2].

¹ Desperate Housewives. Season 6. Episode 13. 2010. Scenarist M. Cherry. URL: <https://watchdesperatehousewives.com/> (дата обращения: 10.04.2020).

² Zorn E. Language Matters: The shift from 'slave' to 'enslaved person' may be difficult, but it's important / Chicago Tribune. URL: <https://www.chicagotribune.com/columns/eric-zorn/ct-column-slave-enslaved-language-people-first-debate-zorn-20190906-audknc2ayrarfijimpz6uk7hvy-story.html>

Проанализируем сцену, главными действующими лицами которой стали домохозяйки, приглашенные на званый обед к общей знакомой (Максин). Застолье неожиданно прерывает стук в дверь: оказалось, что приехала полиция, чтобы арестовать Максин за «принуждение к наемному труду» эмигрантки из Китая, которую Максин прятала за закрытыми дверями кухни:

FBI. Maxine Bennett, you're under arrest for *involuntary servitude*. Is this the woman who locked you up?

Maid. Yeah.

Guest. Bree, what's going on?

Bree. Well, I'm not sure, but I think Maxine had a *slave*.

Guest. I can't believe it. I just can't believe it.¹

Стилистический и контекстуальный анализ приведенного текстового фрагмента позволяет выделить контраст двух выражений, антонимично противопоставленных друг другу логико-семантическими отношениями. Термин *involuntary servitude* – это официально принятая в юридической сфере коммуникации формулировка правонарушения, которой пользуется сотрудник полиции для объяснения ареста домохозяйки. В тексте ей противопоставлен другой вариант обозначения того же правонарушения, которым пользуется приглашенная на обед домохозяйка и который включает слово *slave* нейтрального стиля, лексикографически и исторически ассоциируемое с негативной оценочной коннотацией. Создается эффект антитезы на оси «эвфемия–дисфемия»: высказывание *Maxine had a slave* по всем текстологическим параметрам интерпретируется как резкое, прямолинейное, оскорбительное и обидное в противовес официально юридическому термину *involuntary servitude*.

Однако эмпирическое наблюдение за поведением коммуникантов в режиме непосредственного диалогического взаимодействия выявляет ряд противоречий с результатами логико-интерпретационного анализа текста. В частности, эмоциональная реакция собеседницы Бри на слово *slave* не была отрицательной, а выражение лица самой Бри в момент произнесения фразы скорее передавало эмоцию радости и чувство удовлетворения. Иными словами, обида, оскорбленность и другие негативные эмоции, связанные с использованием дисфемизмов в речи, не наблюдались в общении женщин. Анализ экспериенциального контекста, предшествующего опыта коммуникантов и эмоционального фона коммутативного взаимодействия помогает понять причины расхождений между результатами эмпирического и текстологического анализа.

В отличие от читателя текстового фрагмента, зрителю, наблюдающему события на приеме Максин с самого начала, доступен более широкий контекст происходящего. Конфликтная ситуация разворачивается не между Максин и полицией, а скорее между Максин и ее гостями. Конфликт и

¹ Desperate Housewives. Season 2. Episode 14. 2006. Scenarist M. Cherry. URL: <https://watchdesperatehousewives.com/> (дата обращения: 10.04.2020).

негативный эмоциональный фон, на котором строится кульминация коммуникативного взаимодействия, заключается в следующем: все женщины были в восторге от роскошного обеда из большого количества блюд, приготовленных хозяйкой, приглашенные не могли поверить, что такой обед мог организовать один человек. Именно поэтому Бри не удержалась от прямого вопроса хозяйке о том, кто же это все приготовил. Но получив ответ от Максин, что все блюда собственного приготовления, Бри не оставила свои подозрения, подогреваемые чувством уязвленного самолюбия. Появление полиции расставило все по своим местам: Максин арестовали за использование нелегального труда. Несмотря на сострадательное отношение всех присутствующих к жертве принудительного труда, которое, несомненно, разделит бы в данной ситуации любой современный житель цивилизованного государства, домохозяйки предпочли назвать эмигрантку самым негуманным способом – дисфемизмом «рабыня». Объяснить такое поведение можно тем, что в данном экспериенциальном контексте референция к рабскому труду становится для Бри (и ее собеседницы) не столько оскорблением или ругательством в адрес домработницы, сколько способом справиться с негативными переживаниями, связанными с собственной пошатнувшейся самооценкой. Негодование из-за того, что их «коллега» может готовить и принимать гостей во много раз лучше них, приводит к тому, что женщины начинают относиться к Максин негативно, и в их восприятии любое положительное описание Максин становится обидным, и наоборот. Бри выбирает слово *slave* для описания произошедшего, поскольку оно помогает ей восстановить нарушенное эмоциональное равновесие и, прежде всего, дать положительную оценку себе, вернуть себе статус лучшей домохозяйки. Таким образом, в реляционной области Бри дисфемизм *slave* не обидное слово, а более чем уместное для данной экспериенциальной ситуации, а значит, оно может считаться эвфемизмом, исходя из лингво-теоретического определения этого термина [42].

Рассмотрим функционирование дисфемизма, описывающего нарушения психического здоровья. Разговор состоялся между двумя женщинами, одна из которых (Кэтрин) проходит лечение в психической больнице после серьезного нервного срыва на почве неразделенной любви, а другая (Карен) пришла ее навестить.

Katherine. What are you doing here? I told them I don't want any visitors.

Karen. Who says I'm visiting? Maybe I'm *bonkers*, too¹.

Лексикографические источники маркируют слово *bonkers* как неодобрительное [43] и оскорбительное [2]. Считается, что называть кого-то чокнутым, особенно если это пациент психиатрической клиники, крайне невежливо. Однако интерпретационный анализ приведенного текстового

¹ Desperate Housewives. Season 6. Episode 13. 2010. Scenarist M. Cherry. URL: <https://watchdesperatehousewives.com/> (дата обращения: 10.04.2020).

фрагмента показывает, что такие правила коммуникации работают не всегда. Слово *bonkers* помогает Карен в данном случае избежать обидной для Кэтрин фразы *I'm visiting* и заменить реальное обозначение цели своего визита на выдуманную, но более уместную для эмоционального состояния Кэтрин причину. Текстологический анализ позволяет выявить факт замены одного выражения другим: фраза *Who says I'm visiting?* имплицитно отказ Карен от признания себя посетителем, а значит, фраза *I am a visitor / I am visiting* является нежелательной в данном контексте. Более приемлемым для Карен описанием своего статуса оказывается слово *bonkers*. Можно предположить, что Карен заменяет одно выражение на другое с целью не обидеть своего собеседника. В результате словарный дисфемизм *bonkers* становится контекстуальным эвфемизмом по отношению к слову *visitor*.

Эмпирическое наблюдение за коммуникативным взаимодействием двух женщин позволяет также сделать вывод, что дисфемизм *bonkers* не звучит оскорбительно в экспериенциальной области Кэтрин: она с улыбкой воспринимает слова Карен о возможном совместном помешательстве. Прагматическое объяснение такого выбора слов со стороны Карен можно найти благодаря реконструкции предшествующих событий. Кэтрин попала в психиатрическую больницу из-за нервного срыва, связанного с тем, что ее жених бросил ее перед самой свадьбой. На момент диалога Кэтрин уже способна адекватно оценивать ситуацию, но вместе с восстановленным психическим здоровьем к ней приходит понимание того, сколько необдуманных поступков она совершила по отношению к своим друзьям и соседям с целью вернуть возлюбленного. Карен понимает эмоциональное состояние Кэтрин и действует исходя из этого сочувственного отношения, выбирая описания, коннотации которых совместимы с переживаниями Кэтрин. Таким образом, словарный дисфемизм *bonkers* становится для нее способом установить контакт с Кэтрин.

Последний пример иллюстрирует одно из самых больших противоречий между теорией языка и практикой коммуникации в вопросе дисфемизмов и пейоративной лексики. Приведенный ниже текстовый скрипт репрезентирует два диалога: один – между Джэксоном и Майком, обсуждающими результат просмотренного футбольного матча, а другой – между Джэксоном и Сюзан, встречающей его дома после встречи с Майком:

Jackson (to *Mike*). Thanks for tonight. And, uh, before I forget, the *Colts suck*.

Mike. Here's what *sucks*, watching a zero-zero game with no cheerleaders, soccer boy.

Susan (to *Jackson*). You guys were *insulting* each other. That's good, right?

Jackson. We had a blast¹.

Оба мужчины употребляют лексикографически дисфемистическое выражение *something sucks* («полный отстой»), относящееся либо к

¹ Desperate Housewives. Season 5. Episode 12. 2009. Scenarist M. Cherry. URL: <https://watchdesperatehousewives.com/> (дата обращения: 10.04.2020).

слэнгу [11], либо к разговорному регистру [40] и маркируемое как грубая [40] или вульгарная лексика [2]. Более того, референция *soccer boy* также претендует на статус контекстуального дисфемизма, поскольку приобретает ироничный смысл в реплике Майка, называющего своего визави, мужчину зрелых лет, мальчиком. Для Сюзан такой обмен репликами кажется взаимным оскорблением, но при этом оценивается положительно, что логически противоречит семантике самого слова «оскорблять».

Логическое противоречие на уровне текста можно разрешить, если провести эмпирический анализ коммуникации. Зритель, наблюдающий диалог между Майком и Джэксоном, так же как и Сюзан, по сюжету подслушивающая их разговор из окна, в своем окончательном суждении о коннотативной семантике полагаются на непосредственное чувственное восприятие, которое свидетельствует о том, что ни в интонациях, ни в мимике, ни в жестах участников диалога нет негативных эмоций. Майк и Джэксон не ругались и не оскорбляли друг друга в коммуникативно-эмпирическом взаимодействии, даже несмотря на то, что с логико-семантической точки зрения они использовали бранную лексику. Дисфемизация и оскорбление становятся «хорошим» результатом состоявшегося диалога между мужчинами, о чем говорит сам Джэксон. Дело в том, что Сюзан и Майк разведены, живут раздельно и воспитывают общего сына, а Джэксон – это друг и партнер Сюзан, с которым она только что начала жить совместно. Майк настоял на том, что должен знать, что за человек живет под одной крышей с его сыном, и назначил встречу с бойфрендом своей бывшей жены. Сюзан волновалась за то, как сложится первое знакомство двух мужчин, ведь от этого зависела ее дальнейшая личная жизнь. Услышав, как Майк и Джэксон обмениваются шутивными оскорблениями, она посчитала это добрым знаком, указывающим на то, что они поладили друг с другом.

7. Обсуждение результатов

В ходе анализа коммуникативного поведения, который стал доступным для эмпирического исследования благодаря видеодемонстрации на основе художественного фильма, мы выявили ряд закономерностей, которые помогают подтвердить и уточнить сформулированную гипотезу о семантической относительности слова.

Любые суждения о положительных и отрицательных коннотациях лексических единиц должны учитывать динамический фактор коммуникативных взаимодействий. Он заключается в том, что в одной и той же ситуации дискурса оказываются коммуниканты с разным жизненным опытом, под влиянием которого они специфически интерпретируют ситуацию, строят разные ожидания друг от друга и формируют зачастую противоположное эмоционально-оценочное отношение к тому или иному объекту внимания. То, что одному коммуниканту может казаться эвфемизмом (*Aunt Flo, make*

out, please), другой воспринимает как обидное, прямолинейное и оскорбительное выражение¹.

Опыт лингвистического анализа эмпирических данных доказывает, что словарные дисфемизмы и эвфемизмы в динамике коммуникативного взаимодействия могут выполнять прямо противоположную прагматическую функцию. В частности, дисфемизм *bonkers* выступает в качестве замены более грубого описания и является удачным способом установить контакт между коммуникантами. Напротив, эвфемизм *madam*, используемый в дискурсивной практике среднего класса как вежливое обращение [15. Р. 34], может в определенной ситуации оказаться поводом для обиды. Тем самым фактор контекста коммуникации и среды, в которой находятся коммуниканты, играет решающую роль в установлении концептуальных границ между эвфемизмом и дисфемизмом [44, 45].

Нуждается в теоретико-методологическом переосмыслении и понятие бранной лексики, ругательств и вульгаризмов. Утверждается, что вульгаризмы, например, встречаются в речи отдельных социальных групп, в частности малообразованных, малокультурных или «недосоциализированных» слоев населения [46. Р. 6]. Проводятся социолингвистические эксперименты с целью определения гендерных закономерностей брани. Так, по результатам некоторых опытных наблюдений социолингвистов, женщины ругаются реже мужчин и склонны к более частой эвфемизации речи [47–50], а мужчины по сравнению с женщинами чаще используют ненормативную лексику в процессе дисфемизации [47, 51]. Однако возникает вопрос: что же наблюдали организаторы данных экспериментов – процесс ругани (грубое и оскорбительное поведение) или ругательства (бранную лексику)? Ругались ли участники эксперимента друг на друга или просто употребляли слова, которые служили экспериментаторам формальным средством идентификации факта ругательства? Не принимали ли организаторы эксперимента интерпретацию за наблюдение: определив изначально те или иные слова как формальные ругательства, (пред)убеждали себя, что в каждом акте употребления этих слов наблюдаемый человек действительно ругается?

Проведенный в настоящем исследовании текстологический и эмпирический анализ показал, что оскорбление не всегда связано с конструированием негативных эмоций, тем более у «недосоциализированных» слоев населения, а наоборот, может оцениваться положительно, в частности как способ установления нормальных «здоровых» отношений между мужчи-

¹ То, как наша оценка и, соответственно, интерпретация меняются в зависимости от опыта взаимодействий, хорошо демонстрирует известный в психологии эксперимент. Если мы поставим три сосуда с водой разной температуры (холодной, горячей и теплой), опустим одну руку сначала в сосуд с холодной, а другую – в сосуд с горячей водой, то, опустив обе руки в сосуд с теплой водой, мы не сможем ни понять, ни почувствовать «истинную» температуру – обе наши руки будут «передавать» нам разные ощущения. Подобное верно для языковых взаимодействий в условиях реального времени, только в роли рук выступают конкретные коммуниканты.

нами. Зачастую сам человек не считает грубым то или иное выражение, а использует его иронично или шуточно по отношению к приятелю, а мужчины, употребляющие нецензурную лексику в общении между собой, не ругаются друг на друга вовсе, а «прекрасно проводят время» (have a blast).

Некоторые лингвисты находят дискурсивно-прагматическое объяснение тому, почему человек использует в своей речи бранные и запрещенные слова. Они считают, что «дисфемизация может быть продиктована желанием влиться в коллектив» [17. С. 93], признавая употребление табуированной лексики «социальной проблемой» [52]. Однако в психологии стремление человека стать частью коллектива не является признаком девиантного поведения, заслуживающим социального порицания. Таким образом, девиантная лексика в теории выполняет прямо противоположную функцию на практике, что создает логико-методологический парадокс, который предвосхитил еще сам Ф. де Соссюр, сказав о том, что «никогда нельзя быть уверенным, насколько знание говорящих собственного языка сходится с результатами анализа грамматистов» [53. Р. 138].

8. Заключение

Согласно теории конструирования опыта, человек не заменяет одно слово другим, а выбирает толкование, которое совместимо с его переживанием [54]. Этот выбор продиктован предшествующим опытом и контекстом текущих взаимодействий. «Нет ничего более эмпирически очевидного, чем тот факт, что каждый случай употребления какой-либо языковой формы в речи каждого отдельного говорящего уникален и никогда в точности не повторяется: меняется контекст, среда, физическое и эмоциональное состояние говорящего, его прошлый опыт и опыт всех тех людей, с которыми он вступает во взаимодействие» [55. С. 22]. Икс-фемизмы являются именно такой языковой формой, которая позволяет определить эмоционально-оценочное отношение коммуниканта к происходящему в анализируемый момент коммуникации. Это способ неоднозначного и зачастую амбивалентного конструирования мира в языковом опыте посредством изменения отношения к объекту внимания в непредсказуемой и нестабильной динамике коммуникативных взаимодействий. Определить оценочный и семантический статус икс-фемизмов в виде эвфемизмов и дисфемизмов как единиц языка (точнее, словаря) такая же трудная задача, как и определить, какие запахи, вкусы или изображения должны вызывать у людей негативную или положительную эмоциональную реакцию.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд обобщений относительно природы эмоционально-оценочной лексики, которые нуждаются в дальнейшем теоретическом развитии и лингвистическом обосновании.

1. Эмоциональная оценка слова зависит не столько от денотативных, коннотативных и других логически объективированных свойств значения, сколько от того, *кто, совместно с кем, где и когда* конструирует это значение (см. [56. Р. 201]).

2. То, как коммуниканты воспринимают друг друга в процессе взаимодействия, обуславливает их ситуативную интерпретацию слов как «хороших» или «плохих».

Дисфемизация и эвфемизация семантических единиц напрямую зависит от степени совместимости опыта коммуникантов в отдельно взятый момент взаимодействия: чем выше степень совместимости, тем больше вероятность возникновения эвфемизмов и нейтральных фем (ортофемизмов), но меньше вероятность возникновения дисфемизмов.

Список источников

1. *Online Etymology Dictionary*. URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 3.09.2021).
2. *Merriam Webster's Unabridged Dictionary*. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 03.09.2021).
3. *Frazer J.G.* (ed.) *Pausanias's Description of Greece*. Vol. 2 / ed. and transl. by J.G. Frazer. N.Y. : Cambridge Univ. Press, 2012. 626 p.
4. *Harris R.* *Language, Saussure and Wittgenstein*. How to play games with words. London ; New York : Routledge, 1996. 152 p.
5. *Фрезер Дж.Дж.* Золотая ветвь. М. : Политиздат, 1980. 832 с.
6. *Блумфилд Л.* Язык. М. : Прогресс, 1968. 608 с.
7. *Варбот Ж.Ж.* Табу. Русский язык : энцикл. М. : Сов. энцикл., 1979. С. 345–346.
8. *Беркли Дж.* Алкифрон, или Мелкий философ: работы разных лет / под общ. ред. В.П. Сальникова, А.П. Альбова, Д.П. Масленникова; пер. с англ. А.А. Васильева. СПб. : Алетейя, 2000. 428 с.
9. *Harris R.* *Three Models of Signification*. *Integrational Linguistics: A First Reader* / eds by Roy Harris, George Wolf. Oxford : Pergamon, 1998. P. 113–126.
10. *Wittgenstein L.* *Philosophical Investigations*. 2nd ed / eds by G.E.M. Anscombe, R. Rheeds; trans. G.E.M. Anscombe. Oxford : Blackwell, 1958. 250 p.
11. *Longman Dictionary of Contemporary English Online*. URL: <https://www.ldoceonline.com/> (дата обращения: 03.09.2021).
12. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М. : Слово, 2000. 146 с.
13. *Hughes G.* *An Encyclopedia of Swearing*. New York ; London : ME Sharpe, 2006. 573 p.
14. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. М. : Гнозис, 2004. 326 с.
15. *Allan K., Burridge K.* *Forbidden Words: Taboo and the Censoring of Language*. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. 303 p.
16. *Urban Dictionary*. URL: <https://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 03.09.2021).
17. *Попова Я.В., Куликова Л.В.* Табуированные речесмыслы в дискурсивных практиках институционального общения. М. : Гнозис, 2019. 264 с.
18. *Piaget J.* *The psychology of intelligence*. Totowa, NJ : Littlefield, Adams & Co, 1976. 202 p.
19. *Bibok M.B., Müller U., Carpendale J.I.M., Smith L.* *Childhood // The Cambridge companion to Piaget* / eds by U. Muller, J.I.M. Carpendale, L. Smith. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. P. 229–254.
20. *Morris C.W.* *Foundations of the theory of signs // International Encyclopedia of Unified Science* / eds by O. Neurath, R. Carnap, C.W. Morris. Chicago : Chicago University Press, 1938. Vol. 1, pt 2. P. 1–59.
21. *Kravchenko A.V.* *A critique of Barbieri's code biology // Constructivist Foundations*. 2020. Vol. 15 (2). P. 122–134.

22. Maturana H.R., Mpodozis J., Letelier J.C. Brain, language, and the origin of human mental functions // *Biological Research*. 1995. Vol. 28. P. 15–26.
23. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н.О. Лосского. М. : Наука, 1999. 655 с.
24. Weisgerber L. Sprache // *Handbuch der Soziologie*. Stuttgart : Enke, 1931. S. 592–608.
25. Радченко О.А. Язык как мирозидание: Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. М. : Едиториал УРСС, 2005. 312 с.
26. Weisgerber L. Vom Weltbild der Deutschen Sprache. I. die Inhaltbezogene Grammatik. Düsseldorf : Schwann, 1953. 267 s.
27. Watzlawick P. How Real is Real? N.Y. : Vintage Book, 1976. 266 p.
28. Bateson G. Steps to an Ecology of Mind. Chicago ; London : The University of Chicago Press, 2000. 542 p.
29. Kosso P. A summary of scientific method. New York : Springer, 2011. 41 p.
30. Дружинин А.С. Язык и реальность: до или после, вместо или вместе? // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2021. № 69. С. 67–93.
31. Harris R. The Integrationsist Critique of Orthodox Linguistics / *Integrational Linguistics: A First Reader* / eds by R. Harris, G. Wolf. Oxford : Pergamon, 1998. P. 15–26.
32. Fultot M. Impoverished fiction // *Constructivist Foundations*. 2020. Vol. 16 (1). P. 83–84.
33. Druzhinin A.S. Author's response: Counterfactuals: Multiple realities or an observable world? // *Constructivist Foundations*. 2020. Vol. 16 (1). P. 96–100.
34. Morin E. The cinema, or the imaginary man / L. Mortime (transl.). Minneapolis : University of Minnesota Press, 2005. 292 p.
35. Druzhinin A.S. Construction of irreality: An enactive-constructivist stance on counterfactuals // *Constructivist Foundations*. 2020. Vol. 16 (1). P. 69–80.
36. Bunnell P. Stories and alternative stories // *Constructivist Foundations*. 2020. Vol. 16 (1). P. 84–87.
37. *Farlex Dictionary of Idioms*. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 03.09.2021).
38. *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. URL: <https://www.oxfordlearners-dictionaries.com/> (дата обращения: 03.09.2021).
39. *Macmillan Dictionary Online*. URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 03.09.2021).
40. *American Heritage Dictionary*. 5th ed. URL: <https://ahdictionary.com/> (дата обращения: 3.09.2021).
41. *Cambridge Advanced Learner's Dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 03.09.2021).
42. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. URL: <https://www.textologia.ru/slovary/lingvisticheskie-terminy/?q=484> (дата обращения: 03.09.2021).
43. *Collins Dictionary Online*. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 03.09.2021).
44. Duda B. Euphemisms and dysphemisms: in search of a boundary line // *Círculo de lingüística aplicada a la comunicación*. 2011. № 45. P. 9–11.
45. Фомина Т.А. Икс-фемия, или О трудностях разграничения эвфемии и дисфемии // *Вестник СПбГУ*. 2020. № 17 (1). С. 122–134.
46. Jay T. Cursing in America: A psycholinguistic study of dirty language in the courts, in the movies, in the schoolyards, and on the streets. Philadelphia; Amsterdam : John Benjamins, 1992. 272 p.
47. Bailey L.A., Tim A.L. More on women's and men's expletives // *Anthropol. Linguist*. 1976. Vol. 18. P. 438–449.
48. Mehl M.R., Pennebaker J.W. The sounds of social life: a psychometric analysis of students' daily social environments and natural conversations // *J. Personal. Soc. Psychol*. 2003. Vol. 84. P. 857–870.

49. Mulac A., Lundell T.L. Linguistic contributors to the gender-linked language effect // J. Lang. Soc. Psychol. 1986. Vol. 5. P. 81–101.
50. Jay T.B. What to Do When Your Students Talk Dirty. San Jose : Resource Publications, Inc, 1996. 212 p.
51. McEnery T. Swearing in English: Bad Language, Purity and Power from 1586 to the Present. London : Routledge, 2005. 296 p.
52. Жельвис В.И. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М. : Ладомир, 1997. 330 с.
53. Saussure F. de. Course in General Linguistics / eds by Ch. Bally, A. Sechehaye ; W. Baskin (transl.). New York : Philosophical Library, 1959. 242 p.
54. Kelly G.A. The psychology of personal constructs: Vol. 1: Theory and personality. New York : Norton, 1955. 422 p.
55. Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ: Лингвистика языкового существования. М. : Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
56. Foerster H. von. Understanding understanding: Essays on cybernetics and cognition. New York : Springer, 2003. 362 p.

References

1. *Online Etymology Dictionary*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.etymonline.com/> (Accessed: 3.09.2021).
2. *Merriam Webster's Unabridged Dictionary*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.merriam-webster.com/> (Accessed: 3.09.2021).
3. Frazer, J.G. (ed.) (2012) *Pausanias's Description of Greece*. Vol. 2. Translated from Greek by J.G. Frazer. New York: Cambridge University Press.
4. Harris, R. (1996) *Language, Saussure and Wittgenstein. How to play games with words*. London; New York: Routledge.
5. Frazer, J.G. (1980) *Zolotaya vetv'* [The Golden Bough: A Study in Magic and Religion]. Translated from English by M.K. Ryklin. Moscow: Politizdat.
6. Bloomfield, L. (1968) *Yazyk* [Language]. Translated from English by E.S. Kubryakova & V.P. Murat. Moscow: Progress.
7. Varbot, Zh.Zh. (1979) Tabu [Taboo]. In: *Russkiy yazyk: entsiklopediya* [Russian language: encyclopedia]. Moscow: Sovetski. pp. 345–346.
8. Berkeley, J. (2000) *Alkifron ili melkiy filosof: Raboty raznykh let* [Alkifron or the petty philosopher: Works of different years]. Translated from English by A.A. Vasil'ev. Saint Petersburg: Aleteyya.
9. Harris, R. (1998) Three Models of Signification. In: Harris, R. & Wolf, G. (eds) *Integrational Linguistics: A First Reader*. Oxford: Pergamon. pp. 113–126.
10. Wittgenstein, L. (1958) *Philosophical Investigations*. 2nd Ed. Translated from German into English by G.E.M. Anscombe. Oxford: Blackwell.
11. *Longman Dictionary of Contemporary English Online*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.ldoceonline.com/> (Accessed: 3.09.2021).
12. Ter-Minasova, S.G. (2000) *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language and intercultural communication]. Moscow: Slovo.
13. Hughes, G. (2006) *An Encyclopedia of Swearing*. New York; London: ME Sharpe.
14. Sheygal, E.I. (2004) *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis.
15. Allan, K. & Burrige, K. (2006) *Forbidden Words. Taboo and the Censoring of Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
16. *Urban Dictionary*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.urbandictionary.com/> (Accessed: 3.09.2021).
17. Popova, Ya.V. & Kulikova, L.V. (2019) *Tabuirovannyye rechesmysly v diskursivnykh praktikakh institucional'nogo obshcheniya* [Tabooed Speech Senses in Discursive Practices of Institutional Communication]. Moscow: Gnozis.

18. Piaget, J. (1976) *The psychology of intelligence*. Totowa, NJ: Littlefield, Adams & Co.
19. Bibok, M.B., Müller, U., Carpendale, J.I.M. & Smith, L. (2009) Childhood. In: Muller, U., Carpendale, J.I.M. & Smith, L. (eds) *The Cambridge companion to Piaget*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 229–254.
20. Morris, C.W. (1938) Foundations of the theory of signs. In: Neurath, O., Carnap, R. & Morris, C.W. (eds) *International Encyclopedia of Unified Science*. Vol. 1. Part 2. Chicago: Chicago University Press. pp. 1–59.
21. Kravchenko, A.V. (2020) A critique of Barbieri's code biology. *Constructivist Foundations*. 15 (2). pp. 122–134.
22. Maturana, H.R., Mpodozis, J. & Letelier, J.C. (1995) Brain, language, and the origin of human mental functions. *Biological Research*. 28. pp. 15–26.
23. Kant, I. (1999) *Kritika chistogo razuma*. Translated from German by N.O. Losskiy. Moscow: Nauka.
24. Weisgerber, L. (1931) Sprache. In: Lamla, J., Rosa, H. & Strecker, D. (eds) *Handbuch der Soziologie*. Stuttgart: Enke. pp. 592–608.
25. Radchenko, O.A. (2005) *Yazyk kak mirosozidanie: Lingvofilosofskaya kontseptsiya neogumbol'dtianstva* [Language as a world-creation: Linguo-philosophical concept of neo-Humboldtianism]. Moscow: Editorial URSS.
26. Weisgerber, L. 1953) *Vom Weltbild der Deutschen Sprache*. Vol. 1. Düsseldorf: Schwann.
27. Watzlawick, P. (1976) *How Real is Real?* New York: Vintage Book.
28. Bateson, G. (2000) *Steps to an Ecology of Mind*. Chicago; London: The University of Chicago Press.
29. Kosso, P. (2011) *A summary of scientific method*. New York: Springer.
30. Druzhinin, A.S. (2021) Language and reality: before or after, in or instead? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 69. pp. 67–93. (In Russian).
31. Harris, R. (1998) The Integrationsist Critique of Orthodox Linguistics In: Harris, R. & Wolf, G. (eds) *Integrational Linguistics: A First Reader*. Oxford: Pergamon. pp. 15–26.
32. Fultot, M. (2020) Impoverished fiction. *Constructivist Foundations*. 16 (1). pp. 83–84.
33. Druzhinin, A.S. (2020) Author's response: Counterfactuals: Multiple realities or an observable world? *Constructivist Foundations*. 16 (1). pp. 96–100.
34. Morin, E. (2005) *The cinema, or the imaginary man*. Translated from English by L. Mortime. Minneapolis: University of Minnesota Press.
35. Druzhinin, A.S. (2020) Construction of irreality: An enactive–constructivist stance on counterfactuals. *Constructivist Foundations*. 16 (1). pp. 69–80.
36. Bunnell, P. (2020) Stories and alternative stories. *Constructivist Foundations*. 16 (1). pp. 84–87.
37. *Farlex Dictionary of Idioms*. (n.d.) [Online] Available from: <https://idioms.thefreedictionary.com/> (Accessed: 3.09.2021).
38. *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.oxfordlearners-dictionaries.com/> (Accessed: 3.09.2021).
39. *Macmillan Dictionary Online*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.macmillan-dictionary.com/> (Accessed: 3.09.2021).
40. *American Heritage Dictionary*. (n.d.) 5th Ed. [Online] Available from: <https://ahdictionary.com/> (Accessed: 3.09.2021).
41. *Cambridge Advanced Learner's Dictionary*. (n.d.) [Online] Available from: <https://dictionary.cambridge.org/> (Accessed: 3.09.2021).
42. Rozental', D.E. & Telenkova, M.A. (1976) *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov* [Dictionary-reference book of linguistic terms]. [Online] Available from: <https://www.textologia.ru/slovari/lingvisticheskie-terminy/?q=484> (Accessed: 3.09.2021).
43. *Collins Dictionary Online*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.collinsdictionary.com/> (Accessed: 3.09.2021).

44. Duda, B. (2011) Euphemisms and dysphemisms: in search of a boundary line. *Círculo de lingüística aplicada a la comunicación*. 45. pp. 9–11.
45. Fomina, T.A. (2020) X-phemisms, or On the Difficulty in distinguishing between euphemisms and dysphemisms. *Vestnik SPbGU – Vestnik of Saint Petersburg University*. 17 (1). pp. 122–134. (In Russian).
46. Jay, T. (1992) *Cursing in America: A psycholinguistic study of dirty language in the courts, in the movies, in the schoolyards, and on the streets*. Philadelphia; Amsterdam: John Benjamins.
47. Bailey, L.A. & Tim, A.L. (1976) More on women's and men's expletives. *Anthropological Linguistics*. 18. pp. 438–449.
48. Mehl, M.R. & Pennebaker, J.W. (2003) The sounds of social life: a psychometric analysis of students' daily social environments and natural conversations. *Journal of Personality and Social Psychology*. 84. pp. 857–870.
49. Mulac, A. & Lundell, T.L. (1986) Linguistic contributors to the gender-linked language effect. *Journal of Language and Social Psychology*. 5. pp. 81–101.
50. Jay, T.B. (1996) *What to Do When Your Students Talk Dirty*. San Jose: Resource Publications, Inc.
51. McEnery, T. (2005) *Swearing in English: Bad Language, Purity and Power from 1586 to the Present*. London: Routledge.
52. Zhel'vis, V.I. (1997) *Skvernoslovie kak sotsial'naya problema v yazykakh i kul'turakh mira* [Profanity as a social problem in the languages and cultures of the world]. Moscow: Ladomir.
53. Saussure, F. de. (1959) *Course in General Linguistics*. Translated from French by W. Baskin. New York: Philosophical Library.
54. Kelly, G.A. (1955) *The psychology of personal constructs*. Vol. 1. New York: Norton.
55. Gasparov, B.M. (1996) *Yazyk. Pamyat'. Obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language. Memory. Image. Linguistics of linguistic existence]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
56. Foerster, H. von (2003) *Understanding understanding: Essays on cybernetics and cognition*. New York: Springer.

Информация об авторах:

Дружинин А.С. – канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка № 3 Московского государственного университета международных отношений МИД России (Москва, Россия). E-mail: Andrey.druzhinin.89@mail.ru

Фомина Т.А. – преподаватель кафедры английского языка № 1 Московского государственного университета международных отношений МИД России (Москва, Россия). E-mail: wesna85@bk.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.S. Druzhinin, Cand. Sci. (Philology), associate professor, MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: Andrey.druzhinin.89@mail.ru

T.A. Fomina, instructor, MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: wesna85@bk.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.02.2021;
одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 22.04.2022.*

*The article was submitted 12.02.2021;
approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 22.04.2022.*